

А.А. Илюшин

«Забытая деревня»

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лесу попросила.
Отвечал: нет лесу, и не жди — не будет!
«Вот приедет барин — барин нас рассудит.
Барин сам увидит, что плоха избушка,
И велит дать лесу», — думает старушка.

Бурмистр — староста из крестьян, назначаемый помещиком. Получив власть над равными себе, мог и злоупотреблять ею (см., например, рассказ Тургенева «Бурмистр» из цикла «Записки охотника»). Бурмистр по имени Влас появится на страницах «Кому на Руси жить хорошо» и окажется добросовестным и заботливым старостой. Бабушка Ненила (и далее в этом же стихотворении Наташа) — продолжение темы тяжелой женской доли. Первое полустипхи четвертой строки — «Вот приедет барин» — сквозной мотив, который возобновится в точно тех же позициях второй и третьей строф. «Велит» в шестой строке — форма простого будущего времени глагола (совпадающая с формой настоящего времени).

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячок изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером.
«Вот приедет барин: будет землемерам! —
Думают крестьяне. — Скажет барин слово —
И землицу нашу отдадут нам снова».

Лихоимец здесь, скорее всего, взяточдатель, подкупивший чиновников, которые незаконно оформили его право владения участком земли, принадлежавшей крестьянам «забытой деревни». И тем ничего не остается, как надеяться на своего помещика: «Вот приедет барин» — и справедливость будет восстановлена, виновных накажут. Эти ключевые слова пока не произнесены вслух: и Ненила, и крестьяне только «думают» об этом как о единственном шансе поправить свое положение.

Полюбил Наташу хлебопашец вольный.
Да перечит девке немец сердобольный,
Главный управитель. «Погодим, Игната,
Вот приедет барин!» — говорит Наташа.
Малые, большие — дело чуть за спором —
«Вот приедет барин!» — повторяют хором...

Вольными, или свободными хлебопашцами называли государственных крестьян, то есть таких, которые жили на казенных землях, не были крепостными, работали не на помещика, а на государство и ему же выплачивали налоги. Это все же лучше, чем зависеть от барина: соблазнительно «выйти из крепостного состояния в свободные хлебопашцы» (Герцен. «Былое и думы»). А Наташа, судя по всему, крепостная и не может выйти замуж по своей воле. Ей перечит управитель-немец (как бы предшественник Фогеля из «Кому на Руси жить хорошо»). Он назван «сердобольным», конечно, иронически, поскольку «сердобольный» — это сострадательный, отзывчивый. Самое вероятное, у немца собственные виды на Наташу, поэтому он препятствует ее замужеству. И опять: «Вот приедет барин» — эти слова впервые произносятся вслух Наташей, а в шестой строке повторяются хором. Мотив усиливается, с тем чтобы, достигнув высшей точки, снизиться в следующей строфе.

Умерла Ненила; на чужой земле
У соседа-плута — урожай сторицей;

Прежние парнишки ходят бородаты;
Хлебопашец вольный угодил в солдаты,
И сама Наташа свадьбой уж не бредит...
Барина все нету... барин все не едет!

Если бы долгожданный барин приехал и вознамерился облагодетельствовать крестьян, то немного удалось бы ему сделать на этот поприще: бабушка Ненила умерла, хлебопашец отдан в солдаты — этого уже не исправишь. Прежнего «вот приедет барин» не слышно, надежда потеряна. На незаконно отобранной у крестьян земле вырос хороший урожай — чужой урожай, которым они не воспользуются. А «барин все не едет».

Наконец однажды среди дороги
Шестернею цугом показались дроги:
На дрогах высоких гроб стоит дубовый,
А в гробу-то барин; а за гробом — новый.
Старого отпели, новый слезы вытер,
Сел в свою карету — и уехал в Питер.

Шестернею цугом — в упряжке с шестью лошадьми попарно, дроги — длинная телега без кузова. В том месте строфы, где поначалу повторялось «Вот приедет барин», — сообщение о том, что наконец-то он приехал: «А в гробу-то барин». Новый барин — сын покойного, приехавший похоронить отца в родном имении. Поплакал, но что толку? — слезы вытер и уехал в Питер. Чудесная рифма *вытер — Питер* фольклорна, пословична: «Беднякам Питер бока вытер», «Москва бьет с носка, а Питер бока повытер», ср. также у Ахматовой в «Поэме без героя»:

А вокруг старый город Питер,
Что народу бока повытер
(Как тогда народ говорил)...

Разоренное, запустевшее дворянское гнездо — туда разве что на собственные похороны выбраться, а жить — нет, немислимо. Это печальная тема, и русская литература, касаясь ее, лирически и ностальгически грустила. Гончаровская Обломовка, чеховский вишневый сад — в прошлом подобия земного рая, но то в прошлом, а наступают новые времена, похуже, и хозяева, а подчас бывшие хозяева покидают свои владения. Впрочем, о «хозяевах» Некрасов не грустил, более того, иногда злорадствовал, что «идиллия» крепостничества закончилась, родной дом опустел, лес вырублен, нива выжжена (см. стихотворение «Родина»). Но и крестьянам лучше не стало. Об этом автор «Забытой деревни» наверняка сожалеет, хотя открыто чувств своих не выражает. Стихотворение это как бы и не лирическое вовсе, нет лирического героя, этого навязчивого «я» с его скорбью, негодованием, исповедальностью. Вместо всего этого — рассказ, причем интонация у рассказчика слегка ироническая, как если бы он вообще никому не сочувствовал. А ведь о том же самом можно было бы поведать с пафосом сострадания, как в очерке Салтыкова-Щедрина «Скрежет зубовный»: «Вот и ты, бедная, сгорбленная нуждой, бабушка Ненила. Спокойно сидишь ты у ворот покосившейся избушки твоей...»

Но если Некрасов проявил известную сдержанность в описании самых обыденных, казалось бы, событий, то это не помешало читателям увидеть между строк нечто грандиозное: забытая деревня — вся Россия! Стихотворение напечатано в 1856, а годом раньше умер Николай I — старый барин, от которого никто не дождался ничего хорошего. Едва ли будет лучше при новом барине — Александре II. Можно понять и так.

Характеризуя ритмический строй стихотворения, мало сказать, что написано оно шестистопным хореем с женскими рифмами, что каждая строка четко делится на полустишия и потому текст легко было бы представить трехстопнохореическим:

У бурмистра Власа
Бабушка Ненила
Починить избенку
Лесу попросила...

Все это так и есть, но в данном случае хотелось бы обратить внимание и на ритм иного, сюжетосложенческого порядка, на смену темпов и силы звучания от строфы к строфе: 1. *Вот приедет барин* (просьба, отказ, молчание). 2. *Вот приедет барин* (молчание). 3. *Вот приедет барин* (голос). *Вот приедет барин* (хор). 4. *Барин все не едет* (молчание). 5. *А в гробу-то барин* (заупокойный хор). Своеобразное композиционное решение: центральная третья строфа — с голосом и хором! — самая «громкая» в окружении тишины, глухого ропота и панихидного пения.